

Сяо Жун хранил молчание лишь пару мгновений, после чего выпрямился и с достоинством обратился к государю: — Прошу вас, государь, взвесьте всё еще раз. Выгода от этого шага поистине огромна. К тому же нам не нужно приглашать многих — достаточно лишь одного человека.

Цюй Юньме на миг замер. В словах юноши ему почудился скрытый смысл. Скрестив руки на груди, он слегка отклонился назад, пристально изучая лицо Сяо Жунна. — Судя по твоей уверенности, достойный кандидат уже на примете?

Сяо Жун, приняв это за добрый знак, тут же расцвел в улыбке: — Именно так. Слышали ли вы о Фоцзы Мицзине? Восемь лет назад, видя, как Поднебесная тонет в крови, он сокрушался, что голос его слишком слаб. С сутрой в руках он мог лишь отпевать павших, но был бессилён спасти живых. Тогда, испросив благословения наставников, он в одиночку отправился в Индию, надеясь отыскать там иной путь спасения для страждущих. Минувло восемь лет, его странствие подошло к концу. Еще до того как отправиться на поиски вашей милости и Армии Чжэньбэй, я прослышал, что он пустился в обратный путь. Судя по срокам, самое раннее — в этом месяце, самое позднее — в следующем он вернется в Центральную равнину.

Разумеется, все эти «слухи» были чистейшим вымыслом. Мицзин покидал родину в полном отчаянии, и за восемь лет от него не пришло ни единой весточки. Если бы не заезжие купцы, видевшие его в далеких краях, все бы давно сочли монаха мертвым.

Мицзин был истинным гением буддийского учения. В двенадцать лет он принял начальные обеты, а в шестнадцать — полные, хотя обычно это позволялось лишь по достижении двадцатилетия. Для Фоцзы сделали исключение: в толковании сутр и искусстве спора ему не было равных во всей Поднебесной.

Учение Будды гласит о всеобщем спасении. С тех пор как в эти земли пришла Махаяна, старое учение о личном освобождении ушло в тень. Мицзина прозвали Сыном Будды не только за его необычайный талант, но и за несокрушимую твердость духа.

Десять лет назад, когда монах только принял полные обеты и готовился нести милосердие в мир, в страну вторглись варвары. Император Гуанцзя, прихватив любимых наложниц и золото, позорно бежал, а следом за ним ринулись чиновники и знатные кланы. Те, кто мог бежать, спасались, остальные же были брошены на растерзание смерти.

Застава Яньмэнь стала первым оплотом, захлебнувшимся в крови; там творились неопишуемые зверства. Но в те дни страдал не только Яньмэнь. Чанъань, столица династии Юн, стала для хунну местом, где они срывали злобу: город полыхал, реки наполнились телами, и единственным прибежищем для несчастных стали монастыри.

Варваров вели за собой сяньби, которые издавна преклонялись перед культурой Среднего государства. В то время они еще надеялись закрепиться к северу от реки Хуай, а потому

лицемерно издали указ: не убивать монахов и не трогать монастыри.

Опираясь на этот запрет, Мицзин дал приют двадцати тысячам жителей Чанъани. Под тяжким гнетом врага он не отступил ни на шаг. В те черные времена, когда каждый заботился лишь о собственной шкуре, свет Фоцзы, без преувеличения, озарял всю Поднебесную.

Можно смело сказать, что даже десять тысяч обычных монахов, вместе взятых, не обладали и долей того доверия, которое народ питал к Мицзину. Однако сам Сын Будды восемь лет назад окончательно потерял опору.

Тогда, во второй год эры Кайюнь, император Гуанцзя был прикован к постели, Сунь Жэньлуань сосредоточил в своих руках всю власть, а Цюй Юньме бежал на север, объявив себя Генералом, истребляющим варваров. Союзы рушились, вражеские коалиции распались, и мечты императора сянъби о покорении Центральной равнины пошли прахом.

Поняв, что удержать эти земли не удастся, варвары сорвали маски благородства. Начались грабежи, поджоги и резня. Монастыри равняли с землей, монахов убивали без раздумий, а с ликом святых сдирали сусальное золото, чтобы унести его в свои земли.

Никто не знал, как Фоцзы Мицзин пережил ту вторую волну террора. Известно было лишь то, что вскоре он добрался до области Цзяочжоу и с торговым караваном отплыл в Индию. Туда он отправился морем, но, согласно историческим записям, возвращаться он будет по суше.

И по воле случая путь его пролегал через Западный край, вдоль древних троп, через пески и горы Куньлунь, чтобы войти в Срединные земли через Дуньхуань. А это значило, что Фоцзы неизбежно окажется на севере, и если Цюй Юньме вовремя выставит заслоны на тракте, эта «жирная добыча» сама прыгнет ему в руки.

Для Сяо Жуна это был дар небес. Он помнил, что в его истории Мицзин в итоге стал наставником маленького императора на юге, и толпы людей, узнав об этом, бежали в Цзиньлин под его защиту. Теперь, когда юноша знал правду, он не мог позволить такому сокровищу ускользнуть.

Он с надеждой взглянул на Цюй Юньме, но лицо того становилось всё более суровым.

У Гао Сюньчжи екнуло сердце. Он уже собирался вмешаться, чтобы сгладить углы.

«Ну и смельчак!» — мысленно ахнул канцлер.

Но Великий ван заговорил первым: — Погляжу я, у господина уже и план готов. К чему же тогда было спрашивать моего совета?

Сяо Жун осекся, чувствуя, что разговор принимает скверный оборот. Он медленно поднялся,

осторожно глядя на государя: — Долг советника — печься о благополучии господина и делить с ним заботы. Я лишь хотел...

Но Цюй Юньме резко оборвал его: — Слушай внимательно, я скажу лишь раз. В Армии Чжэньбэй не будет места тем, кто сеет смуту в умах бойцов! Неужто ты веришь, что пара молитв заменит помощь небес? Скорее уж это помощь бесовская! Врага на поле боя сокрушают руки, омытые кровью, а не шайка монахов, которые и носа на улицу не кажут в летний зной!

Юноша попытался воззвать к разуму: — Дела ратные — в полной вашей воле, государь. Но Сын Будды нужен нам не для побед в сражениях. Он — залог спокойствия в тылу, гарант того, что ваши воины смогут уходить в походы без тени тревоги. Задумывались ли вы когда-нибудь, сколько зерна останется в амбарах, когда падут последние сянби? Раньше вы добывали припасы в битвах, но кого вы станете грабить потом? Без крестьян, что будут терпеливо возделывать землю, всё ваше войско обречено питаться одним лишь ветром.

Глаза Цюй Юньме недобро сузились: — Ты смеешь попрекать меня отсутствием таланта?

Сяо Жун склонил голову: — Никоим образом. Я лишь прошу вас смотреть на вещи шире.

— Ты обвиняешь меня в скудоумии?! — вскипел государь.

Советник, не поднимая глаз, ровно ответил: — Слова грубы, но смысл верен.

Цюй Юньме уставился на него, не веря своим ушам: — Сяо Жун! Ты зашел слишком далеко!

Юноша глубоко вдохнул и вскинул голову. Теперь его взгляд был не менее твердым, чем у разгневанного государя. — Не обессудьте, государь, но я не из тех льстецов, что поют в унисон с господином. Если вы упорствуете в заблуждении, мой долг — перечить вам, даже если вам будет угодно забрать мою жизнь.

Цюй Юньме поперхнулся словами.

«Да кто вообще заикался о твоей жизни!»

Некоторое время они сверлили друг друга взглядами в тяжелом, звенящем молчании. Наконец Великий ван, стиснув зубы, подавил ярость: — Пусть этот раз будет последним. Больше не смей заикаться о монахах!

Он развернулся, намереваясь уйти, но Сяо Жун стремительно преградил ему путь. Гао Сюньчжи, стоявший между ними, был обойден столь ловко, что юноша даже не коснулся краем одежд его халата.

Опешивший канцлер лишь глазами захлопал.

«Что это было? — пронеслось у него в голове. — Промелькнул мимо, словно тень»

А Сяо Жун уже стоял перед Цюй Юньме, преграждая ему дорогу: — Но почему?! Я же сказал: Фоцзы нет нужды быть в войске. Мы выстроим для него храм, пусть он проповедует там! Неужто так трудно подарить народу хоть крупицу душевного мира?!

Цюй Юньме замер, охваченный глухим раздражением: — Мир обретают не в молитвах! Мир завоевывают в сече, его возводят на костях павших врагов! Если дух слаб — не сутры нужно слушать, а самолично сразить пару варваров, дабы смыть их кровью горечь прожитых лет!

Юноша с отчаянием выкрикнул: — Не все в этом мире наделены вашей силой и отвагой!

— И что с того! Я... — начал было Великий ван, но внезапно осекся.

«Постой... Что именно сейчас сказал Сяо Жун?»

Цюй Юньме застыл, а юноша продолжал наступать: — Есть люди, рожденные робкими, есть те, чьи сердца бесхитростны и мягки. Почему вы требуете от каждого стальной воли? Неужели тот, кто слаб духом, не достоин жизни? Да, в мире полно шарлатанов, но есть и такие, как Сын Будды — те, чье сердце полно истинной любви к ближнему! Кому в эти смутные времена живется легко? Каждый кого-то потерял. Неужели вы лишите их даже призрачной надежды на лучшую долю в ином мире, на встречу с теми, кого уже нет, пусть это будет лишь прекрасный вымысел? Вы настолько жестоки?!

Цюй Юньме оцепенело смотрел на него. Сяо Жун, сорвавший голос от крика, казалось, внезапно лишился сил. Он сделал шаг назад, плечи его поникли, и он тихо, с бесконечной горечью вздохнул: — Где ласточке или воробью понять полет лебедя... Но и лебедю не дано познать муку воробья. Вы — первый витязь Поднебесной, вам не нужны костыли веры. Но то, что вам претит, для простого люда — единственная соломинка, за которую они могут ухватиться, чтобы не кануть в бездну.

Сяо Жун еще раз тяжело вздохнул и отвернулся, словно не в силах больше продолжать этот спор. Свет ламп падал на его профиль, обнажая печать глубокого одиночества и тихой печали.

Через мгновение, не проронив ни слова, он покинул зал.

Цюй Юньме остался стоять на месте, его кулаки непроизвольно сжались. Никто не знал, какая буря бушует в его душе. Вдруг он обернулся к Гао Сюньчжи и глухо, словно оправдываясь, бросил: — Я прав!

Канцлер лишь смиренно склонил голову в знак покорности, не проронив ни звука.

Видя это, Великий ван снова открыл рот:

«Я...»

Но он так и не смог закончить фразу. В конце концов, в гневе взмахнув рукавом, он тоже стремительно вышел вон.

Лишь когда эхо его шагов окончательно затихло, Гао Сюньчжи медленно распрямил спину. Он заложил руки за спину, его седая бородка едва заметно дрогнула. Посмотрев куда-то вдаль, канцлер одобрительно кивнул. — Хм... Я усвоил урок.

<http://bllate.org/book/15355/1417328>